

Путь без начала и конца

Джун Мотидзуки

Все эксперименты со стрельбой из лука не дали никакого путного результата, если не считать его стрелковых достижений. Джун так и не смог отвлечься от манящего мира духов и перестать думать на темы, не имеющие никакого отношения к реальности. Выглядел он с каждым днем все хуже и хуже, а чувствовал себя и вовсе, как человек, хватающийся за спасительный круг и обнаруживающий, что тот постепенно становится металлическим и тянет его на дно. Поэтому, уже очень скоро поняв всю бесполезность своих попыток вернуться к нормальной жизни, Джун принял одно из самых странных решений в своей жизни - оставить монастырь и провести какое-то количество дней в одиночестве.

Много вещей Джун брать с собой не стал, бросив многочисленное барахло в своей комнате и предпочтя ему только один комплект сменной одежды, кое-какие средства личной гигиены, плед, провизию, четки и, неожиданно для себя, набор для каллиграфии и несколько заготовок из бумаги для офуда. Он и сам точно не мог сказать, что стало причиной добавления подобных вещей в список "первой необходимости". Возможно, желание занять себя чем-то кроме общения с духами, а может и еще по какой причине, но, в результате, свой большой походный рюкзак он набил до самого верха, как во времена всевозможных студенческих походов.

Из монастыря Джун вышел рано утром и направился в сторону старого охотничьего домика, который приметил как-то давно во время своих путешествий. Но, то ли его подводила память, то ли он просто немного заплутал в горах, искомый домик так и не появился на горизонте к тому времени, как он рассчитывал изначально. Какое-то время молодой Мотидзуки просто продолжал идти в выбранном направлении, но потом, поняв, что подобное решение до добра не доведет, остановился и начал "потрошить" свой рюкзак.

В итоге на свет появились плед, на который он сел, набор для каллиграфии и пара заготовок для офуда. Джун еще и сам не до конца представлял, что получится из его затеи, но решил попробовать, благо с теорией создания иероглифических заклинаний и парочкой самых простых из них, познакомился еще несколько месяцев назад, когда еще производил впечатление вполне адекватного и приятного молодого человека. Джун не был уверен в своих способностях, поскольку данный фокус получался у него только один раз, но он никогда не боялся экспериментировать, поэтому, подготовив все необходимое и представив домик, который так хотел найти, принялся старательно выписывать иероглифы 罗经.

Первый вариант ему совершенно не понравился, поэтому он просто разорвал бракованный листок, но вот второй оказался достаточно сносным. Удовлетворившись полученным результатом, Джун убрал все вытащенные вещи обратно в рюкзак, подбросил листок в воздух и, на секунду замерев в ожидании, облегченно вздохнул, увидев что тот начал постепенно двигаться в направлении, немного отличающемся от того, что выбрал он сам.

Как оказалось, ошибся он не сильно, так что уже очень скоро листок с заклинанием

рассыпался в прах, а сам он увидел желанный охотничий домик, к которому планировал провести пока неизвестное ему самому количество времени. К счастью, там никого не оказалось, поэтому Джун смог почувствовать себя, хотя бы на короткий срок, его полноправным владельцем. Теплая летняя погода позволяла ему подобные вольности, а четки из черного агата, лежащие в кармане, манили, так и норовя прыгнуть ему в руку и заставляя как можно быстрее располагаться в его временном пристанище...

Маркус Агирре

О существовании в горах домика Маркус ничего не знал ровно до того момента, как увидел его. Сегодня весь день он провел в горах, сначала пытаясь заняться медитацией, но потом решив просто гулять. Бездумно и бесцельно. Потому что медитация с ее этими "ом" и "ом" казалась ему пустой тратой времени. Он не понимал, как медитация может помочь ему наладить контакт со своим зверем. Он вообще больше не хотел превращаться.

Был еще один повод уйти в горы. Нет, два. Первый - это вчерашний разговор с сестрой, а второй - отсутствие в монастыре Джуна. Тот куда-то пропал. Кажется, дня два назад. В комнате его не было, и что-то ему подсказывало, что Джун ушел в горы. Но в горах холодно. Вряд ли Джун уехал в город, оставив почти все свои вещи. Хотя кто их поймет, этих модников?

Был вечер. Маркус устал уже искать Джуна и решил плюнуть на это, вернуться в монастырь, как увидел очертания домика. Решил остановиться там и переночевать, а потом вернуться в монастырь.

Но в домике оказался неожиданный гость. Маркус покачал головой, осмотрел его и, не спрашивая разрешения, прошел внутрь. Присел напротив Джуна и положил руку на его плечо.

- Эй, что с тобой? - Спросил он.

Джун Мотидзуки

Знакомый синтоистский храм снова был готов принять его в свои "объятия", но сегодня его больше интересовал "хозяин" - высокий для японца мужчина в традиционной одежде, говорящий о его принадлежности к так называемым оммёдзи, которому раньше уже приходилось отвечать на его многочисленные вопросы, если тот считал нужным уделять внимание молодому шаману. Вообще, Джун не был уверен в том, что являющийся ему дух когда-то был человеком, уж больно он походил на какое-то божество, но это не мешало ему жадно вслушиваться в каждое слово, которое могло нести какую-то подсказку или направить его по верному пути.

- Что мне делать? - прошептал он. - Я запутался...

Наверное, вопрос стоило сформулировать четче, но Джун не был уверен в своей способности найти правильные слова. Да и дух, должен был все прекрасно понимать, поскольку, как молодому Мотидзуки иногда казалось, знал его лучше, чем он сам.

Но с ним так и не успели поговорить, поскольку в том другом, неуютном, мире появился кто-то, не дающий ему поговорить со своим помощником. И этот кто-то разозлил Джуна настолько, что его, обычно мягкие черты лица, немного заострившиеся из-за быстрой потери веса, исказились злобной гримасой.

- Что ты от меня хочешь? - злобно процедил он сквозь зубы. - Я что, тебе мешаю?

Пожалуй, еще никогда в жизни он не чувствовал подобного раздражения, превращаясь в какое-то недовольное ворчливое существо, совершенно не похожее на светлого и доброжелательного молодого человека, которым являлся еще совсем недавно. Другой мир поглотил его настолько, что Джун, выйдя из транса, не мог вернуться к прежнему себе, способному вести конструктивный беззлобный диалог практически с любым встречающимся ему человеком.

Маркус Агирре

Кажется, он ему помешал, потому что, хоть и редко общался с Джуном, не сидел такооо раздражения на его лице. Он нахмурился и хотел было убрать руку, но только лишь крепче сжал его плечо.

- Прости, что отвлек тебя, просто я... волновался?

Это откровение его самого удивило, так как он не думал, что может за кого-то волноваться. Раньше он не волновался, потом почему-то в списке людей, которые ему вроде как не безразличны, появились отец, сестра, Настя и Джун. И вот если первые двое являлись его семьей, а волнение за Анастасию было вызвано тем, что эта девчонка помогла ему и просто бчла рядом, то вот беспокойство за племянника мужа сестры ему было непонятно. В шаманизме он не разбирался, Анастасия тоже не знала об этой способности, а больше никого он и не знал.

Он задумался, что нужно делать дальше. Вчера он созвонился с сестрой и случайно узнал от нее, что у племянника Тору Сэтоши родился сын. Ему эта информация была бесполезна, и он хотел было выкинуть ее из памяти и наговорить сестре гадости, но вспомнил про Джуна. Уточнил у Яреци, кем там в этом клане "Сопрано" является Джун ее мужу и, узнав, что это родной брат попавшего в аварию Сэтоши, запомнил эту информацию. А также про аварию.

- Давай поговорим об этом? - произнес он после молчания, глядя на молодого человека.

Джун Мотидзуки

Несмотря на то, что он вроде как видел и слышал все, что происходило вокруг, слова Маркуса, которого он узнал в нарушителе спокойствия, не доходили до его сознания. Пока с губ парня, с которым они когда-то делали скворечники и распивали странное зелье из запасов старика Жонга, для него слетали только какие-то раздражающие звуки, мало напоминающие связную речь. Но если раньше это наверняка его бы испугало, сейчас Джун не придавал этому особого значения, предпочитая отмахнуться от незваного гостя, как от навязчивой мухи.

- Да что ты ко мне привязался? Меня вполне все устраивает. А ты или иди своей дорогой или просто занимайся какими-нибудь делами и не лезь ко мне.

Наверное, его слова звучали грубо, но Джуна это совершенно не волновало. Он пришел в охотничий домик первым, поэтому считал себя вправе диктовать свои условия, пусть данное помещение официально ему и не принадлежало. Да и вообще, он ведь специально ушел из монастыря, чтобы иметь возможность побыть в одиночестве, и вот теперь ему самым наглым образом мешали, перечеркивая все старания. И если лично против Маркуса Джун ничего не имел, то "вторженец" в его лице раздражал безмерно и заставлял мечтать придумать какой-нибудь способ, чтобы как можно скорее избавиться от чужого назойливого внимания.

Маркус Агирре

Он все-таки убрал руку с плеча Джуна и поднялся. Состояние молодого японца напомнило ему его собственное состояние после нападения на подругу Яреци, когда он сидел в беседке около обрыва и к нему пришла Настя. Он не был уверен, что не стал бы резко разговаривать, если бы вместо Насти пришел кто-то другой. Возможно, он бы послал пришедшего или вообще полез в драку.

Джун в драку не лез, и это было хорошо. Плохо было то, что Маркус совершенно не знал, что делать. Поэтому он просто подошел к противоположной стене и опустился по ней на пол. Обнял согнутые в коленях ноги руками и внимательно посмотрел на парня, которого может считать своим другом. И хочет.

- Я не могу понять твои чувства, связанные со способностью, но могу понять твои страхи. У меня тоже были страхи, связанные с превращением и последующими событиями. Позволь мне попытаться помочь тебе.

Он говорил тихо и достаточно четко произносил слова. Наверное, поступать стоило совсем не так. Но он выбрал эту тактику. Может что и получится, кто знает...

Джун Мотидзуки

В какой-то момент до Джуна начали доходить отдельные слова, кажущиеся ему какими-то странными нелепыми и плохо вписывающимися в тот пограничный мир, в котором он оказался, выйдя из транса раньше, чем собирался, но так и не вернувшись к своему привычному состоянию. Хотя теперь ему было не так-то легко и вспомнить, какое состояние для себя он мог посчитать привычным.

- А чем ты можешь мне помочь? - Джуну явственно казалось, что Маркус только что предложил ему свою помощь, хоть и не мог взять в толк, зачем он это сделал. Они не так много общались, чтобы родственник Яреци начал проявлять по отношению к нему свое участие. Да и не привык молодой шаман обращаться за помощью к кому-то, кто состоял из плоти и крови и имел полное право называться живым человеком.

- Маркус, если ты остаешься здесь из-за меня, то уходи.

Джун плохо представлял, в какое время суток его умудрился посетить старый знакомый и не был уверен в причинах, по которым Маркус оказался там, где его не ждали, поэтому сразу старался пояснить, чтобы тот не тратил на него лишнее

время. Он вполне мог справиться сам, всегда справлялся, да и в своем желании как можно больше времени проводить с духами, а не с живыми людьми Джун не видел ничего плохого. Это был его выбор, и он был готов заплатить за него соответствующую цену, по крайней мере, скользящие между его пальцами черные бусины нашептывали сейчас именно это...

Маркус Агирре

Маркус покачал головой и достал из своего рюкзака бутылку с какой-то настойкой, купленной на деревенском рынке, и спички. Снял чайник и, посмотрев на Джуна, вышел из домика. Сгущались сумерки, и воду нужно было найти до темноты. Где-то здесь должна быть горная река.

Он прошел немного вниз и остановился. Прислушался и осмотрелся. Где-то внизу текла река, и он направился к ней. Тихий прохладный ветерок ненавязчиво трепал его волосы, и он прикрыл глаза, слабо улыбнулся. Подошел к реке и набрал в чайник воду. Направился к Джуну в домик, надеясь, что за это время он никуда не сбежит.

Джуна он нашел на этом же месте. Покачал головой, разжег огонь и повесил чайник. Присел напротив Джуна.

- Что ты собираешься делать, Джун? Сидеть здесь? Что потом с тобой будет? - безразличным тоном произнес парень. - Мне-то без разницы, но ты подумай о тех людях, которые тебя любят. О семье, брате. Ты хочешь, чтобы они страдали, пока ты тут отшельничаешь в этом домике?

Маркус внимательно посмотрел на друга и вздохнул. Он был полностью уверен, что если бы это все произошло несколькими месяцами ранее, да еще и с ним, то было бы проще. Его бы вряд ли кто-то кинулся искать, возвращать к нормальной жизни. Возможно, потом бы кто-то вспомнил о нём.

- Скоро закипит вода, я тебе дам крепкий чай с сахаром, - снова безразличным тоном произнес он.

Джун Мотидзуки

Куда и зачем пошел Маркус, Джун так и не понял. И, поскольку перемещения парня, если тот не пытался вторгнуться в его личное пространство, его не волновали, постарался тут же о нем забыть. А черные бусины, продолжали мелькать между пальцами, успокаивая и обещая помочь уже в скором времени покинуть давящие стены охотничьего домика и снова встретиться с тем, кому он хотел задать еще множество вопросов.

Но на этот раз дело как-то не задалось. Видимо, появление Маркуса сбило какие-то "настройки", и Джун, так ничего и не добившись, просто сидел и "мучил" свои четки. В другое время подобное занятие наскучило бы ему уже минут через десять, но за последние недели его привычки успели сильно поменяться, превращая его чуть ли не в другого, незнакомого самому себе человека.

Появление Маркуса с чайником в очередной раз заставило его оторваться от своего

странного занятия. И Джун хотел уже было сообщить незваному гостю, что по поводу воды он мог спросить и у него, несмотря на свое странное времяпрепровождения не отказавшегося от еды и всевозможных жидкостей, но в последний момент передумал. Да и, мешая высказаться, в его сторону посыпались вопросы, ответы на которые молодой Мотидзуки не знал, а, возможно, не хотел знать.

- Моей семье есть о чем подумать, кроме моих странностей, - тусклым голосом произнес Джун, сгибая ноги и обхватывая колени руками. - Слова Маркуса отдались где-то в груди болезненным чувством, но пока оно было еще недостаточно сильным, чтобы заставить его как-то поменять планы на ближайшее будущее.

- Не надо со мной нянчиться, я не маленький мальчик. - Джун не понимал, почему Маркус вообще уделяет ему внимание. Они не так много общались до этого и никогда не делились чем-нибудь личным, если не считать той истории с домом и его обитателями, так прочно засевшими в голове молодого шамана, что ставшими для него более реальными, чем некоторые знакомые ему люди.

Маркус Агирре

Молодой человек покачал головой и посмотрел на друга. Нужно было его как-то спасать, вытаскивать из этого положения, но он не знал, какую тактику предпринять. Можно, конечно, было вскипятить чайник, сделать чай и отправиться домой, но будет ли это правильным по отношению к молодому шаману из семьи Мотидзуки? Его ответ о том, что родственникам есть чем заняться, совершенно не устраивал Маркуса. Потому что ему кажется, что родители, или кто там у него ещё есть, будут волноваться. Хотя это не его дело. Совершенно не его...

- Думаю, помимо других интересов у твоих родственников есть мысли по поводу тебя. Знаешь, меня попросил присмотреть за тобой дядя Тору. - Сказал Маркус, и голос его совершенно не изменился. Он не менялся даже когда дело доходило до обмана. Врать он любил и умел. Как-то давно дед пошутил, что ему с таким непроницательным видом надо работать где-то в спецслужбах. Быть секретным агентом.

Он легко поднялся на ноги и снял с огня чайник. Налил в чашки чай и поставил одну чашку перед Джуном. Снова опустился на корточки около стены и внимательно посмотрел на друга, которого в какой-то момент можно потерять из-за его связи с духами и невозможности помочь ему. Разумеется, никакой Тору не просил его об этом, однако Джуну об этом знать необязательно. Об этом его попросила Яреци, сильно переживающая за племянника своего мужа. Но Маркус был уверен, что если скажет ему о Яреци, то тот проигнорирует. В отличие от своего дяди.

Джун Мотидзуки

В каком бы состоянии Джун сейчас не находился, он до конца не лишился способности думать и анализировать происходящее, поэтому сразу заметил, что слова Маркуса отдают чем-то подозрительным. Конечно, дядя мог попросить кого-нибудь за ним присмотреть, но он очень сомневался, что на эту роль Мотидзуки Тору выбрал бы роль родственника жены. Скорее уж наоборот, дядя мог обратиться за помощью к нему саму, чтобы последить за поведением Маркуса, с которым, как

Джун понял, у его семьи не все складывалось гладко.

- Послушай, не надо придумывать то, чего нет. - Джун скользнул пустым взглядом по появившейся перед ним чашке. - Я не сомневаюсь, что дорог моей семье, но пока она прекрасно обойдется и без меня. В конце концов, я же не планирую умирать или пропадать без вести, так что не доставлю родным лишних хлопот.

Он снова посмотрел на чашку и почувствовал, что очень сильно хочет пить, пусть долгое время не обращал на это внимания. Посчитав, что ничего страшного не произойдет, если он воспользуется уже все равно налитым чаем, Джун протянул к чашке свободную от четок руку и с удивлением обнаружил, что она дрожит. Дрожит так, словно он как минимум неделю провел в глубоком запое, чего за ним не водилось даже в самые лихие деньки его беспечной юности. Поэтому, боясь опрокинуть чашку и пролить чай, Джун временно убрал руку обратно, надеясь что странная дрожь скоро пройдет сама собой, и он все-таки сможет использовать предложенный ему чай по назначению.

Маркус Агирре

- Ну как - не сам лично дядя меня просил, но Яреци, - пожал он плечами, обнимая свою чашку руками и рассматривая молодого шамана. Когда тот протянул руку к чашке, Маркус хмыкнул и покачал головой. Закрыв глаза.

- Я не думаю, что этт хороший выход - сидеть здесь в домике одному. Когда не с кем поговорить и становится страшно. Впрочем, ты прав - это совершенно не мое дело, и я наверное пойду, пока не сгустились сумерки.

Некоторое время в домике было молчание, и Маркус отпил немного чая. Он хотел рассказать о причине, по которой сюда пришел, но, увидев состояние Джуну, передумал. Потому что не был уверен, что это подобие человека, в которое сейчас превратился молодой парень, адекватно воспримет информацию.

- Что же, я пойду, мне все равно безразлично, что с тобой происходит. Но вот хочу тебе сказать - твой брат и Маргарита попали в аварию. Ей сделали кесарево, и на свет родился твой племянник. Их состояние стабильное.

И он с невозмутимым видом продолжил пить чай.

Джун Мотидзуки

- А, Яреци, ну тогда понятно, - произнес Джун на автомате. Его не слишком волновало, кто и о чем просил Маркуса, да и просил ли вообще. В любом случае, он не видел смысла в няньках, поскольку всегда был достаточно самостоятельным, а сейчас уж точно не нуждался в помощи, вызванной чьим-то там беспокойством.

- Я что, похож на человека, которому одиноко или страшно? - Чем больше Джун узнавал о духах, тем явственнее понимал - он больше никогда не останется один. И если сначала такой расклад его действительно пугал, то, смирившись, он научился видеть во всем положительные моменты, поскольку открывшийся ему мир перестал казаться страшным и чужим и стал неотъемлемой составляющей его жизни.

Слова Маркуса по поводу аварии Джун понял далеко не сразу. Сначала он практически пропустил их мимо ушей, но потом смысл сказанного постепенно начал до него доходить, а, в пустых до этого момента глазах, появилась осмысленность и даже что-то напоминающее злость.

- Ты что сказал? - угрожающе начал он, поднимаясь и приближаясь к Маркусу. - И ты все это время время молчал? Да у тебя вообще мозги есть?

По дороге он зацепил ногой злосчастную чашку с чаем и, естественно, умудрился ее опрокинуть. Но на эту неприятность Джун не обратил никакого внимания. Сейчас он жаждал узнать подробности, а заодно и немного "встряхнуть" парня, которой столько времени потратил на пустые душеспасительные разговоры и только сейчас догадался сделать самое главное - рассказать о разыгравшейся в его семье трагедии, которую он при любом раскладе не смог бы оставить без внимания.

Маркус Агирре

- Вот, возвращаешься, уже хорошо, - Маркус медленно и лениво поднялся с пола и заглянул в глаза своему ровеснику. Ему было страшно, и он приготовился сбежать, хотя сейчас подумал, что нужно сделать что-то другое. Драться он не умеет, нападать нельзя, значит надо попробовать защититься. Но Джун пока только надвигался на него, и тишину, какую-то зловещую, нарушил грохот покотившейся по полу чашки. Почему-то это нельзя было ничем кроме как грохотом назвать.

- И что ты собираешься делать? Вот прям сейчас, вот в таком состоянии и с таким видом поедешь в свою Японию? Да брось, тебя даже в автобус до Лхасы не пустят. Ты хоть в зеркале себя видел? Да тебя прибудут где-нибудь или, наоборот, признают алкоголиком и загребут в тюрьму. Оно тебе надо?

Маркусу казалось, что он слегка перегибает палку, но, по его мнению, это было достаточно хороший "пинок" по возвращению Джуну в мир "живых". Конечно, он сполна мог получить за это, но, по крайней мере, сейчас он убежать никуда не хочет. Если это поможет Джуну стать более адекватным и попросить помощи у живых людей, то он, Маркус, так уж и быть, попробует её оказать.

Джун Мотидзуки

Маркус говорил какие-то странные вещи, поскольку Джун сильно сомневался, что своим помятым видом способен кого-то сильно удивить, но в одном парень, несомненно, был прав - выбегать из домика и мчаться в деревню, нормально не подготовившись к поездке, было бы верхом глупости.

- Ты что, совсем дураком меня считаешь? - желание как следует всыпать Маркусу немного уменьшилось, пусть окончательно и не пропало, так что Джун пока просто положил руку парню на плечо и не больно, но ощутимо его сжал, благо это не составило труда, поскольку они с Маркусом были примерно одного роста. - Естественно, я сначала доберусь до монастыря, приведу себя в порядок и соберу вещи. Но для начала я бы все-таки предпочел услышать подробности произошедшего.

Будь у него такая возможность, он бы уже сам звонил брату и всем остальным

родственникам, но в охотничьем домике связи не было. Да и не брал он с собой телефон, так что Джуну только и оставалось, что ждать каких-нибудь комментариев от Маркуса. Словосочетание "стабильное состояние" ему совсем не понравилось, поскольку оно могло означать и "стабильно тяжелое", а еще он услышал информацию про Маргариту-сан и племянника, но ничего не понял по поводу собственного брата, который тоже был непосредственным участником аварии, и которого родственник Яреци посчитал нужным упомянуть только вскользь.

Маркус Агирре

Когда Джун положил на него руку, он всего лишь презрительно выгнул бровь. Бежать ему никуда не хотелось, да и не было смысла. Ему почему-то не хотелось сейчас оставлять Джуну одного. Да и его слова показались ему бредом. Не сумасшедшего, но вот близкому к этому состоянию человека.

- Я ничего толком не знаю. Меня попросили передать, я и передал. Сэтоши получил сотрясение мозга, Маргарита сломала ногу. Ребенок вроде нормально. И да, твой брат был виновником аварии.

Яреци как всегда рассказала все в подробностях, придуманных ее мозгом. Потому что ей об этом рассказал отец. А этот повар вряд ли рассказывал такие ужасы. И Маркус передал все Джуну.

- Вот как-то так... - договорил он.

Джун Мотидзуки

Из рассказа Маркуса, несмотря на его сухость, Джун вынес для себя пару важных вещей. Во-первых, участники аварии критических повреждений не получили, а во-вторых, брат пострадал меньше, чем его жена, да и, при этом, являлся виновником происшествия. А значит, от него можно было ждать практически всего, что угодно. Джун прекрасно знал о эмоциональности Сэтоши и его способности устраивать драму на пустом месте, так что мысленно приготовился к худшему, пусть не знал и половины из того, что там произошло на самом деле.

- Понятно, - негромко произнес он и убрал руку с плеча Маркуса. При имеющемся раскладе он больше не имел права оставаться в охотничьем домике и тратить время на свои духовные поиски. Сейчас у него появилась важная цель, а значит, все остальное должно было временно отойти на второй план.

Решив завязать с бессмысленными, с учетом обстоятельств, разговорами, Джун достал свой рюкзак и принялся складывать в него ранее вытащенные вещи. Учитывая примерное время, в монастырь он, в любом случае, должен был вернуться только ночью, но устраиваться на ночевку в домике ему больше не хотелось. Оставалось надеяться, что он со своим лицом, больше подходящим ожившему мертвецу, а не живому человеку, не напугает никого из обитателей монастыря, если им придет в голову устоять себе небольшую ночную прогулку, которая приведет к незапланированной встрече.

Маркус Агирре

Джун его отпустил, и молодой человек передернул плечами и поправил свою рубашку. Вернулся на свое место, то бишь сел на корточки у стены, и взял в руки чашку. Сделал несколько глотков остывающего чая, и стал безразличным взглядом следить за сборами. Покачал головой и хмыкнул.

- Не горячись, - сказал он и достал из своего рюкзака бутылку настойки. - Сейчас ночь, в горах опасно. Впрочем, я тебе не нянька, так что делай, чего хочешь.

Он усмехнулся про себя и открыл бутылку. Плеснул огненную жидкость в стаканчики, и один поставил недалеко от Джуну. Сам выпил свою настойку и поморщился.

- А лучше остаться в домике. Завтра утром начнешь собираться, - сказал он.

Джун Мотидзуки

Хоть Джуну и не хотелось этого признавать, в словах Маркуса был свой резон. Бродить по горам в темноте - являлось не самым разумным решением. А к тому времени, как он дошел бы до монастыря, и вовсе наступила бы глубокая ночь, что могло принести немало неприятных сюрпризов и всевозможных рисков, которые он сейчас не мог себе позволить.

- Ты прав, - нехотя пробормотал Джун, отставляя рюкзак в сторону. Ему не передалось упрямство некоторых членов его семьи, что в купе с врожденным благоразумием помогало принимать правильные решения. Так что сейчас он предпочел прислушаться к голосу разума, пробившегося сквозь творящееся в его голове безобразие.

Появление из рюкзака Маркуса настойки Джун встретил с плохо скрываемым интересом. Наверное, что-то алкогольное он в последний раз пил с тем же Маркусом у старика Жонга и был совершенно не против снова ощутить терпкий обжигающий вкус, тем более, сегодняшний горевестник налил настойки и ему.

Присев неподалеку, Джун взял предназначавшийся ему стакан и удивлением обнаружил, что его руки больше не дрожат. Похоже, появление четкой цели помогло ему собраться и мобилизовать ресурсы организма, чему он сам, осознав весь масштаб происходящего, был несказанно рад.

- Спасибо, - негромко проговорил он и практически залпом опустошил свой стакан, почувствовав приятное жжение в горле. Наверное, с его режимом сна и питания экспериментировать с алкоголем было не слишком разумно, но после этого акта самонепослушания Джуну действительно стало немного легче, поэтому он практически сразу подставил пустой стакан Маркусу, намекая, что не отказался бы от добавки.

Маркус Агирре

- Да не за что, - сказал Маркус, открывая бутылку и наполняя стаканы по новой. Настойка, которую он купил в деревне пару дней назад, оказалась очень вкусной и совершенно не похожей на ту, что была у старика Жонга, или как его там звали. В тот раз, помнится, следующим утром у него болела голова. А сейчас настойка была

достаточно мягкой и очень вкусной. И от нее не должно быть утом головной боли.

После настойки Джун стал больше похож на нормального человека, и Маркус слабо усмехнулся. Он понимал, что молодой Мотидзуки должен поехать к брату, чтобы его поддержать. Потому что для Джуна, как и для любого нормального человека, семья была на первом месте. Даже муж сестры, как он знал, плюнул на все и вернулся домой, хотя его дома никто не ждал.

А у Маркуса никого не было. Отец вспомнил о родительском долге только в тот момент, когда повалился на пол из-за проблем с сердцем. Все остальное время он не хотел видеть сына.

- Интересно, а если бы вся эта ситуация произошла со мной и несколько лет назад, кто-нибудь искал бы меня? - Допил он свою порцию и посмотрел в окно. Почему-то стало грустно.

Джун Мотидзуки

Маркус не стал скупиться на выпивку, за что ему можно было сказать отдельное "спасибо". Пожалуй, настойка в относительно небольших количествах - это было именно то, что могло помочь ему переключиться. Главное было не доводить до ощутимо измененного состояния сознания, чтобы снова не отправиться в какое-нибудь "путешествие" из которого его потом пришлось бы вытаскивать какими-нибудь стрессующими средствами.

- Я думаю, искал бы. - Опустошив второй стакан, перевел Джун свое внимание на Маркуса. У того явно был не самый простой период в жизни, вроде тех, за которыми следует переоценка многих вещей и непростой выбор - как жить дальше.

- Мы часто оставляем в жизни других людей больший след, чем кажется нам самим. Я понимаю, что моя семья и их ценности сильно отличаются от множества других, но человек всегда остается человеком, неважно японец он, испанец или мексиканец... А людям свойственно дорожить своими близкими, даже если они не умеют это показывать.

Наверное, сейчас Джун произнес больше слов, чем за послание несколько дней, но, похоже, настойка "развязала" ему язык, вернув былую словоохотливость. И сейчас это казалось чем-то совершенно естественным, несмотря на обстановку, и странное стечение обстоятельств, которое сегодня свело их с Маркусом под одной крышей.

Маркус Агирре

Маркус снова разлил напиток по чашкам и взял свою. Обнял её руками и глубоко задумался. Его жизнь никогда нельзя было считать праведной, но ведь ему никто не рассказывал, как нужно правильно жить. Он жил так, как хотел, воровал деньги, не общался ни с кем и никого не любил. И он сильно сомневался, что кто-то бы сильно оплакивал его потерю.

- Не знаю. Лет в четырнадцать у меня была компания, чего мы только не делали, кто-то из ребят даже избил бомжа. Но мой отец, даже когда об этом узнал, предпочёл быть на работе. Когда мне было плохо он был на работе. А потом плохо

стало ему, и из его уст посыпались слова, как он меня любит. А где он был раньше? - Маркус повысил голос и закрыл глаза. Вдохнул-выдохнул и отпил немного настойки. - Ладно, извини, это было глупо. Так что не думаю, что чего-то значу для него. Скорее всего, мы с ним увидимся только на его похоронах. - Холодным голосом произнёс Маркус и допил свою порцию.

- Знаешь, я бы не советовал тебе лететь к ним в таком состоянии. Боюсь, что твой племянник, если тебя увидит в таком состоянии, то станет заикой на всю жизнь, - хмыкнул он и улыбнулся. - Может, воспользуешься помощью моей сестры? Она, кстати, говорила, что ты можешь немного пожить у них дома. Ты же не прям сразу полетишь домой? Тебе для начала надо поговорить с живыми людьми, которые знают о твоей способности. Это лучше, мне кажется...

Джун Мотидзуки

Наверное, Маркус немного частил, разливая настойку сразу, как только они успевали расправиться с предыдущей порцией, но Джун этот расклад вполне устраивал. Пока голова оставалась еще относительно светлой, а вот тело заметно подрасслабилось, что он отнес бы к приятным последствиям употребления алкоголя. Да и откровения Маркуса он начал слушать даже с некоторым участием, что являлось явным признаком возвращения его к состоянию до затянувшегося погружения в мир духов.

- Думаю, встреча на похоронах - не самый лучший вариант. Сейчас тебе кажется одно, а потом ты можешь начать жалеть об упущенной возможности поговорить с отцом и узнать его настоящие чувства, даже если он и не был хорошим родителем.

Слушая Маркуса, Джун понимал, как сильно повезло ему самому. Несмотря на строгость воспитания, он с самого рождения купался в любви своей семьи, и плохо мог представить, каково это - чувствовать себя одиноким.

- Да ладно, не все так плохо, - усмехнулся он на комментарий по поводу его внешнего вида. - Помоюсь, побреюсь, - Джун провел рукой по щетине на подбородке, - переоденусь, нормально посплю, и за ожившего мертвеца меня уже никто не примет. Может даже в лазарет загляну со своей головной болью. А Яреци и без меня забот хватает.

Джун очень не хотел навязываться кому-то со своими проблемами, тем более Яреци, у которой и так после истории с гиеной, ментальной магией и ссорой с дядей жизнь была не сахар. Он слышал, что за последнее время все стало немного лучше, но не сомневался в невозможности просто так все взять и забыть, словно еще недавно в отношениях мужа и жены не было здоровенной трещины.

Маркус Агирре

- Да если бы он сам хотел со мной поговорить, то я бы попробовал. Но он не желает меня видеть. Никогда не находилось ему времени для меня. А, один раз был. Тогда мне было лет пять или шесть, и он из России привез скворечник. Мы его собрали и повесили за домом. А потом я его увидел через несколько месяцев. Он оставил деньги мне и снова уехал. Пока я с нянями жил в квартире он был дома с сестрой, родителями. Те не хотели со мной иметь ничего общего, ведь я был рождён от

простой уборщицы в какой-то Польше.

Маркус внезапно почувствовал, что его голос дрожит, притом дрожит достаточно сильно. В горле почему-то появился противный комок, и он хмыкнул. Вот ещё нехватало, чтобы Джун назвал его "плаксой". Как в детстве. В детстве его иногда называли плаксой, а потом он научился быстро бегать, и больше его никто не бил. Точнее, не так часто. И кто в этом был виноват? Правильно - его отец. Который занимался всем кроме воспитания своего сына.

Он снова наполнил чашки и вернулся к разговору с Джуном по поводу его возвращения домой. Окинул внимательным взглядом, прикинул, что к чему, и кивнул головой, будто говоря, что согласен с тем, что тот если помоется, побреется и выпится, будет похож на человека. Он зевнул и встал. Взял свою чашку.

- Я пойду подышу воздухом.

Он не люби так много разговаривать. Он даже, когда встречался с отцом, не говорил так много. Но тогда ему было страшно, и он просто предпочитает не видеть его и не знать ничего о нём. Потому что о чём с ним говорить - он не знает, а просто так болтать на отвлечённые темы... отец для этого не подходит. Друзей нет. Одиночество. А ведь он до двадцати одного года не знал этого слова. Ему было комфортно с друзьями, он всегда был в центре внимания, мог спокойно назвать себя представителем "золотой молодёжи". Только вот он никогда не думал, что так легко может это потерять. И обрести зверя внутри себя.

Он вышел на улицу и посмотрел на небо. Прислонился спиной к стене домика и достал из заднего кармана джинсов пачку сигарет. Закурил и стал с безучастным видом смотреть на еле различимую струйку дыма.

Джун Мотидзуки

Джун не стал убеждать Маркуса в том, что его отец так и жаждет поговорить сыном, просто не знает, как это сделать. Он не знал его отца и не имел права давать советы, исходя из своего личного опыта, который сильно отличался от того, что пришлось пережить распивающему вместе с ним настойку парню. Поэтому молодой Мотидзуки предпочел просто слушать, считая, что его молчаливое участие принесет больше пользы, чем ненужные сейчас разговоры. А послушать стоило, поскольку Маркус ненадолго погрузился в болезненные детские воспоминания, проявив по отношению к нему неожиданное доверие.

В какой-то момент, его сегодняшний сосед по домику решил выйти подышать воздухом, оставив молодого шамана одного. И если незадолго до этого Джун чуть ли не мечтал избавиться от его общества, то после всех этих разговоров испытал некое сочувствие по отношению к человеку, который был лишен любви и поддержки своих близких, и желание его поддержать. По своей натуре младший из половозрелых мужчин Мотидзуки отличался добротой и умением сопереживать людям, столкнувшимся с жизненными трудностями или тянущим за собой тяжелый груз прошлого, поэтому, снова начав замечать происходящее вокруг, не мог проигнорировать отдающий жутким одиночеством рассказ Маркуса.

Долго сидеть на своем месте Джун не стал, тоже через пару минут покинув домик, чтобы обнаружить родственника Яреци с сигаретой, и его вид заставил молодого человека сказать то, чего он не ожидал от самого себя.

- Можешь угостить меня сигаретой?

За свою жизнь Джун курил всего несколько раз, но сейчас ему почему-то захотелось разделить с Маркусом сигаретный дым и молчание, которое могло сказать больше, чем любые слова.

Маркус Агирре

Некоторое время была тишина, и молодой человек вздохнул. Он так и не закурил, и сигарета постепенно тлела. А потом послышался голос Джуна, и он лениво протянул ему пачку сигарет с зажигалкой. Хотя, если честно, он был удивлён тому, что Джун курит. Хотя это было абсолютно не его дело, и если тому это помогало, то почему нет? Запрещать же он ему не имеет права. Он не родственник, не друг, да и вообще не является кем-то значимым для этого японского шамана.

Он выпил немного напитка и посмотрел на небо. На нём светили большие и яркие звёзды, они освещали путь. Интересно, если идти за той мигающей звездой, то куда она приведёт? Раньше ему было интересно смотреть на звёзды, но не с кем было это делать. Няни почти им не занимались, а отцу всегда не хватало на него времени. А тётка... та ничего не понимала в звёздах. Скучные люди.

- Спасибо, что выслушал, мне стало легче. Хоть немного. Спасибо.

Он выкинул сигарету и затушил её. Потом стал медленно пить свою порцию напитка.

Джун Мотидзуки

Протянутые пачку сигарет и зажигалку Джун взял на автомате, поскольку сам плохо представлял, что будет с ними делать. Какое-то время он просто вертел пачку в руках, словно не понимая, как она в них оказалась, а потом вытащил одну сигарету и не без труда раскурил, с трудом сдерживаясь от того, чтобы не закашляться. Сейчас он чувствовал себя бестолковым школьником, сбежавшим с уроков покурить, но, наверное, именно это детская глупость и придавала всему происходящему вкус чего-то настоящего, происходящего только в мире живых людей.

- Да не за что, - хрипло произнес Джун, следя за огоньком, постепенно "съедающим" сигарету. Думаю, каждому иногда нужно высказаться.

Следующая затяжка все-таки сделала свое черное дело, и он закашлялся, чувствуя некоторое смущение. Вместо лирической сцены, где два молодых человека курили в многозначительном молчании, которую он изначально представлял, выходил какой-то цирк с двумя бестолковыми мальчишками, коими они с Маркусом, наверное, и являлись.

- Красиво, - произнес он глядя в потемневшее небо, чтобы как-то перевести внимание со своей неудачной попытки стать курильщиком. Его с детских лет учили

восхищаться красотой природы и ценить ее дары, поэтому Джун привык обращать внимание даже на малейшие изменения привычных пейзажей и сейчас просто смотрел на небо, стараясь восполнить пробел, появившийся в те дни, когда он перестал замечать то, что некогда делало его счастливым.

Маркус Агирре

В отличие от Джуна Маркус так и не сделал ни одной затяжки, только когда раскуривал сигарету, хотя это затяжками было нельзя назвать. Поэтому как только Джун закашлялся, Маркус усмехнулся, но не стал никак это комментировать. Он смотрел на ночное небо и медленно пил настойку, будто это была простая вода. Горло драло от неё, даже немного жгло, но это не мешало ему дальше пить эту гадость.

- Да, здесь красиво. Мне старик рассказывал про ночное небо в Аргентине, там вообще всё другое, там же южный полюс. Созвездия другие. А в Турции, или в Марокко, месяц даже по-другому повернут.

Сам Маркус не был ни в Бразилии, ни в Турции, он не был даже в Мексике, откуда родом его отец. Он путешествовал по Испании и некоторым европейским странам. И по России. Ему эта страна нравилась. Он наконец допил свой напиток и посмотрел на Джуна. Зевнул.

- Ладно, надо потихоньку ложиться спать. Завтра вернёмся в монастырь, а потом ты поедешь к своей семье. Передавай Яреци привет. Хотя нет, не стоит. Она и без того будет знать, что я тебя нашёл. Ладно, спокойной ночи.

И он скрылся в домике. Лёг на одну циновку, которая была ближе к очагу, и закрыл глаза. Через несколько минут он уже спал, сражённый тем количеством настойки, которую выпил.

Джун Мотидзуки

Наверное, во всех этих разговорах о местных красотах после того, что им предшествовало, было что-то странное, но Джун не стал обращать внимание на подобные мелочи. Он смирился с отсутствием возможности что-то изменить до завтрашнего утра, поэтому даже как-то успокоился, стараясь не думать о возможных последствиях аварии и своих собственных проблемах. Их решением он собирался заняться в ближайшие дни, а пока... Пока Джун просто смотрел на небо, краем уха слушая рассказ Маркуса, уже в скором времени заявившего о своем желании отправиться спать.

Практически полностью сгоревшую сигарету он затушил вскоре после ухода родственника Яреци. Какое-то время Джун еще постоял в одиночестве, втягивая ноздрями последние запахи заканчивающегося лета, а потом, последовав примеру Маркуса, вернулся в домик и обнаружил парня спящим на циновке, располагавшейся поближе к очагу.

Покачив головой, представитель третьего поколения семьи Мотидзуки достал свой плед и осторожно, чтобы не разбудить, укрыл им молодого человека, которому так нехватало чьей-нибудь заботы и понимания. Естественно, Джун не собирался

заменять ему семью или друзей, но просто не мог отказать себе в этом небольшом акте человеколюбия и желании подарить Маркусу немного тепла. Сам же он завалился на соседнюю циновку, положил под голову свой рюкзак и очень скоро провалился в приятную пустоту, лишенную снов и дарующую ему хотя бы временный покой.
